

● ● ●
Не было прежде такого рассвета.
Над разгорающимся небосводом
в выдохе первом ветра холодном,
в крыльях, захлопавших справа и слева.
Из оболочки туманной, землистой
двинулись в рост освещённые сосны,
быстрой мигая жемчужною искрой,
каждая на наконечнике остром!

Мой табурет, ты скрипишь бесподобно,
ловко туман оживил твою песню!
Серый глашатай метнулся по лесу
прочь от упрямых лучей небосвода
к руслу реки. Не желаете кофе?
Чайник у нас старомодный, но марши
все наизусть заучил он — сноровки
не занимать ему, к радости нашей.

● ● ●
За Иосифа Бродского дал шесть рублей
в читальном зале и был с ним месяц
в разлётах-разъездах, почти не разлей
вода.

Сочинения. Том второй. Тезис:
подъездную дверь отворял апрель,
смердело мочой вперемешку с хлоркой,
и снег, будто падаль, сочился слюной,
наплёванной за зиму Глебом с Егоркой.
Постились,

что значит: мели всё подряд.

Не знаю, скосятся ли вам, Иосиф,
дороги гуронов, когда Ленинград
бодала комолая осень.

«Смирнофф» пустотелый, вот весь мой скарб,
и плащ вороной, но дыряв до кучи,
живуч, как гимн, как такой плакат,
который и в спину вам пальцем тычет.

● ● ●
Одним косым лучом январь отметил
снег вотчины своей, перебирая
картинки на лубке, со снеговым же
над ними покрывалом облаков.

Средь них, всегда гонимых восвоеси,
и я мечтал, бывало, оказаться,
но лень у нас в роду превыше страсти
иных, способных запросто взлетать.

Где был бы я теперь с моей приятнью
к деревне с завалившимся забором
и, может быть, навеки ослеплённый
безлюдным алюминием равнин?

Забыл бы, для чего на самом деле
глядел через оттаявшие окна,
как Арктика над долгими холмами
заносит узкий месяца клинок.

● ● ●
Я разминулся с летнею порою,
когда июньский воздух утончённый
владеет суматохой поднебесной
и все ему и каждый подчинён;
когда ещё от превосходства зноя
среди зверья никто не утомился,
обитель их чащобную, лесную
добытчик-зверобой не посетил.

Я разменял на медные жетоны
остатки все от переездов долгих,
стою, и мне за ворот с крыш зелёных
стекает грязь столыцы островной.
Не будь я столь застенчивым и грустным,
уже б спешил на поиски верёвки
и напрямик признался бы шофёру:
«Почтеннейший, а после — в „Англетер“...»

● ● ●
Флаги на тёплых проспектах и улицах тёплых,
крем шоколадный на шёлковом галстуке вышит,
и неизвестным, простуженным временем года
вечер в цветочные шторы довольное утро.

Место, в которое мы никогда не вернёмся;
пепел, полёта которого мы не услышим,
между пустычным значением нынешних суток
и пирогами с повидлом из школьной столовой.

● ● ●
На стене рисунок красный, белый на стекле,
именем своим украшен, спит Борисоглебск.

Керосиновые лампы, выговор простой
и ударного помола в магазине соль.

Что ни рыба там—белуга, с бани—самовар,
в оснежённом поле гулко ухает сова.

Без дорог и без названий, раньше и теперь,
а сверху, под облаками, колокольный кремль.

И никто уже не помнит новоселья их:
вековая пыль на полках стиснула архив.

● ● ●
От начального до конечного
класса школы в пространстве ранцевом:
«не» с глаголом, Чудское озеро,
Пугачёв Александра Пушкина,
Трафальгар с одноглазым Нельсоном,
«кол» по физике из-за лампочки,
«Буревестник» Максима Горького,
спячка (как его имя?) Герцена,
Пифагорово поучение,
Архимедово восклицание,
дробь вспученные этажные,
лица сплюснутые монгольские,
а в гортани свинца позорного
твоего,
моя Инквизиция.

● ● ●
Две карты—земли и неба,
и ручка, в которой шарик,
и яблоко, и сентябрь
на жёлтом столе.
Ещё был когда-то компас
и порох в железной банке;
ещё был когда-то август
и жизни—сто лет.

● ● ●
Топко становится—труден и долог
путь до конечной унылых прохожих;
шире, до крыш отдалённых, свой полог,
из прохуdivшейся будто рогожи,
небо откинуло; запад с востоком
встретились—и потекли дождевые,
по желобам и глухим водостокам,
тёплые грязные струи кривые.

Топко становится—пёстрые своры
выживших чудом собак осторожных
на животах из подвалов, как воры,
вылезли в мутную сырость творожных
серых дворов; обозначился эллипс
лунный сиреневый между домами
в пору, когда уже слышался шелест
трав, пробивающихся под ногами.

● ● ●
Не будь я восприимчив к обжитому,
пропахшему календулой и мылому,
простому бытию в патриархальной,
сугубистой по окна стороне,
не разглядел бы, как твои тюльпаны
среди февральской оттепели вышли
из-под земли в горшках за занавеской,
встречая отступление зимы.

Тогда ещё была пора метелей,
и солнце только изредка светило,
но лёд уже тончал, и наст ломался
под весом ненагруженных саней:
молчание природы истощённой—
проекты, перекрашенные наспех,—
тяжёлый снег и рыхлая дорога...
Пойдём сегодня вечером гулять?

● ● ●
Где был Санкт-Петербург,
малина и щавель,
болотами вокруг
голодный ходит зверь.

У берега реки
коней—ни одного:
кувшинки, васильки,
дождливо и темно.

Один собор, как стог,
глядит который век
туда, где был восток
и где востока нет.

● ● ●
А здесь—никуда не денешься—за стенкой скребётся мышь,
и медленный дождь царапает покатые скаты крыш,
и ночь с очерствелым пряником черна в полуночный час—
на Млечном Пути вольфрамовом никто не услышит нас.

Ах, комнаты ваши низкие и песни осипших птиц,
мои города безвестные, без адреса и границ!
И ветренная, неверная, хватившая кистеня,
пропавшая чья-то молодость. Как некогда и моя.

● ● ●
Душу мою погубили жёсткие камни дорог:
ночи посконные, горький табак папиросный;
прутья столбов, бесконечных столбов пограничных дорог;
угольный дым паровозный и дым папиросный.

Камни катились по насыпи, бились по днищу машин,—
пасти щербатые, пляшущие мостовые,—
это по ним я вышагивал, ползал, подковы крошил,
выстужен насмерть, от пяток до мозга,— навывлет.

Эти лекарства—сквозняк в подстаканнике, голод в висках—
несколько лет или вёсен бесплатны, и только.
Вены оставят следы за собой на протёртых висках.
Сбудется то, что не может не сбыться. И только.

● ● ●
На полянах с ярким маком в жарком августе хмелеет
голова, когда медовый полдень солнцем ослепит
и наполнит воздух звонким серебром и липким клеем
завершившегося лета—семена отцветших лип.

День незримых окончаний и начал: пустое небо,
поворот лесной дороги, паутина, щавель, мак;
и трава, уже сухая, и погаснувший мгновенно
далеко на горизонте первой молнии зигзаг.

Обними меня сильнее оттого, что одиноко
в наступающих потёмках на покинутой земле;
оттого, что нас коснётся, наконец, другая нота,
далеко на горизонте лишь блеснувшая во мгле.

● ● ●
С веретеном за пряжей, с вышивкой на коленях;
холодно, а зимою—тусклый короткий день;
в небе ночные стражи, в звёздах его нетленных,
спутанные дороги и голоса сирен.

Бледностью лунной пьяный вечером бессловесным—
нет ничего под небом этим теплей, чем шерсть,
связанная едино, как полотно Зевеса,
здесь, на твоих коленях, нитка за ниткой, здесь.